

УДК 60.65

**ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ "Я" КАК МОДУС НОВОЙ СУБЪЕКТНОСТИ:
ОСОБЕННОСТИ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ
АКТУАЛИЗАЦИИ**

Ходус Елена Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара

В статье артикулируется проблема эмоционального "Я" как следствия процесса "социальной приватизации", проявляющегося в снижении значимости социальных макроструктур в пользу внутреннего / частного пространства. При этом акцент делается на специфике актуализации эмоционального "Я" как значимого модуса жизнетворчества личности непосредственно в ситуации "осознаваемой приватности". Указанные тенденции рассматриваются на общем фоне переориентации современной социологической теории в направлении социологии "малых форм".

Ключевые слова: субъектность, "эмоциональный поворот" в социологии, социальное "Я", эмоциональное "Я", реконфигурация социального пространства, приватность, Субъект.

У статті артикулюється проблема емоційного "Я" як наслідку процесу "соціальної приватизації", який виявляє себе в послабленні значущості соціальних макроструктур на користь внутрішнього/приватного простору. При цьому акцент робиться на специфіці прояву емоційної складової "Я" як актуального модусу життєтворчості особистості безпосередньо в ситуації "усвідомленої приватності". Вказані тенденції розглядаються на загальному тлі переорієнтації сучасної соціологічної теорії в напрямку соціології "малих форм".

Ключові слова: суб'єктність, "емоційний поворот" в соціології, соціальне "Я", емоційне "Я", реконфігурація соціального простору, приватність, Суб'єкт.

The paper focuses on the problem of emotional "Me" as consequences of process of "social privatization". Emotional "Me" shows up in the decline of meaningfulness of social macrostructures in behalf on internal (privacy) space of society. The specific of actualization of emotional "Me" is thus accented as meaningful modus of creation of vital space of personality in the situation of "realized privacy". These tendencies are examined on the general background of change of modern sociological theory toward sociology of "small forms".

Keywords: subjectivity, "emotional turn" in sociology, social "Me", emotional "Me", privacy regulation, Subject.

Заявленное в заглавии статьи обращение к эмоциональным аспектам социального "Я" диктуется следующими обстоятельствами. Анализ современной общественной практики показывает, что типичным модусом осуществления человеческой жизнедеятельности все больше становится модус частного бытия. В условиях наличных господствующих конфигураций социальной жизни именно частная сфера становится пространством действительной личной активности. Обнаружилось, что для современного человека частность стала тем ценностным идеалом, определяющим, в конечном итоге, стратегии его поведения. Причинами снижения доминантного статуса публичной сферы и, напротив, привлекательности сферы частной являются тотальное разочарование в политике, крах идеологических и политических утопий, ослабление социального поля. Схожую мысль мы находим и у А. Турена, считающего, что, чем "современнее общество, тем большее значение придается не институтам и универсалистским принципам, а самим действующим лицам. Именно от них должны исходить преобразования, которые не дают сфере приложения социальных и политических действий распасться и исчезнуть вообще" [1, с.10]. Как самую яркую черту современности А. Турен называет распад системы общезначимых общественных институтов и организаций социального контроля, что и поставило под вопрос функциональность публичной сферы как сферы личностно-значимого действия. Публичная сфера общих ценностей все активнее теснится гедонистическими, эгоистическими, частными интересами. Как следствие возрастает значимость разнообразных форм частного бытия как зон "освобождения" от общества и субъекта власти. Частная

реальность основана на интимности, бессознательности, раскрепощенной субъективности, психологизации и эмоциональности.

Соответственно *цель* настоящей статьи состоит в попытке выявления каузальной связи между процессами "приватизации" социальной реальности и актуализацией эмоциональных концептов (в данном случае - эмоционального "Я" в значении модуса новой субъективности), которые сегодня активно вписываются в "большие нарративы" социологической теории. Говоря о новой субъективности, мы имеем в виду изменения ее природы в траектории движения от цельного современного субъекта - "сверхсоциализированного" индивида, "автономии, выполняющей закон" к "постмодернистскому" децентрированному субъекту, выстраивающему свой жизненный мир в регистре личного желания [2].

Итак, в последние годы в результате онтологического поворота во внутренней логике социологического теоретизирования после господства парадигмальных дискурсов, построенных на оппозиции индивид/общество, происходит активное смещение исследовательского фокуса к подходам, развивающим представление о "роли субъекта". Отсюда - изменение методологической оптики и возникновение интереса к "малым формам", оставшимся до недавнего времени маргинальными объектами социологических исследований.

В качестве примера такого переосмысления уместно упомянуть парадигмальный поворот в сторону "третьей социологии"/"социологии социальной экзистенции" - новой тенденции, фокусирующей внимание на уровне повседневной жизни людей. Как утверждает П. Штомпка, обосновывающий эвристические возможности этого направления, "идея социальной экзистенции сфокусирована на реально происходящем в обществе людей, на уровне между структурами и действиями, где ограничения структур и динамика действий производят реальные, проживаемые и наблюдаемые социальные события, социально-индивидуальные практики, составляющие повседневную жизнь, фактически - единственную жизнь, которая есть у людей, и которая ни полностью детерминирована, ни полностью свободна" [3, с. 4-5]. И действительно "горячими сюжетами" актуального социологического теоретизирования становятся темы, до недавнего времени вообще немыслимые в качестве научных. "Серьезные авторы, - отмечает П. Штомпка, - увлеченно пишут книги по вопросам любви, интимности, дружбы, еды вне дома, поп-музыки, покупок, риска, недоверия, одиночества, здоровья и физкультуры, поездок в такси и т.п." [4, с.3]. Нынешние студии привязаны к самому простому и самому типичному опыту людей, склонны распутывать неуловимые коллективные или межличностные измерения и внутренние механизмы, отличающие пространство именно частного бытия

Таким образом эмоциональное "Я" как значимый модус актуального социального существования мы рассматриваем в общем контексте реконфигурации отношений между сферой общественного и сферой частного. В условиях современного общества "экспансия разума" задавала предельно рационалистическую логику функционирования публичной сферы, предполагающую вытеснение эмоций на периферию социальной жизни, то есть непосредственно в приватность. Не случайно, классическая социология как "дитя модерна", за исключением, пожалуй, Э. Фрейда и Г. Зиммеля, всегда стремилась трактовать человека как рациональное существо, сводя к минимуму значение эмоций и иррационального в изучении человеческого поведения, сыграв решающую роль в обосновании "дисциплинарного общества".

Напротив, в условиях современных реалий интолерантность модерна в отношении частного/публичного как взаимоисключающих категорий, сменяется готовностью признать за частной сферой право на альтернативное толкование жизненного мира. Сегодня нет жесткой демаркации тем, проблем, чувств, эмоций, уместных для проявления строго в публичной или частной сфере. Эмоциональный фактор оказывается все больше включенным в процесс продуцирования знаний о мире и интерпретации этого мира. Социология уже не отрицает аффективных и других "нерациональных" составляющих социальной жизни, признавая правоту идеи, высказанной Н. Элиасом еще в 1938 году. "Мы никогда не поймем, - писал ученый, - отношения между социальными процессами и "психическими", до тех пор, пока мы будем считать психическое статичным и неизменным, пока не увидим психическое "в процессе" [5, с.30].

Отсюда - исследовательский интерес к "социологии эмоций", легитимизировавшей эмоции не просто в качестве объекта, достойного внимания, а в значении дискурсивных репрезентаций, определенных окружающей культурой. "Социология эмоций" - направление, привлекающее в последнее время все больше внимания зарубежных и ряда отечественных социологов. По мнению Дж. Барбалета, представляющего данное направление, "эмоции являются столь же важной движущей силой индивидуального и коллективного поведения, как когнитивные состояния и рациональный расчет. Поэтому социология эмоций, так или иначе, имеет важные последствия для общей социологической теории и частных социологических теорий, объясняющих отдельные аспекты социальной структуры и социального действия; она призвана расширить наше понимание социальной структуры и повысить

компетентность нашей социальной теории" [6, с.3]. Таким образом, присутствие "эмоционального измерения" в социологии вполне контекстуально новой социальной и эпистемологической ситуации.

Соответственно, мы рассматриваем выраженное "эмоциональное Я" как результат "диффузии Я в приватность", погружения и растворения в ней, поскольку именно в условиях частной реальности возможна максимизация эмоционально-чувственной составляющей "социального Я", то есть эмоций, обладающих реальностью непосредственного переживания, эмоций, связанных с семьей, человеческими отношениями, сексом, жизненным опытом. Характеризуя черты приватной реальности как локального контекста, А. Гелен отмечает, что "она целиком превращается в сферу непосредственного общения, где люди взаимодействуют друг с другом, во всей полноте проявляя свои естественные сильные и слабые стороны, и должны разрешать десятикратно усложняющиеся из-за отсутствия дистанции между ними конфликты, мобилизуя свои скудные индивидуальные возможности" [7].

Одно из проявлений эмоционального "Я" - удивительная осведомленность в вопросах психологии, присущая нашему времени. На книжных рынках предлагается "рекомендованная литература" чуть ли не для всех случаев жизни, будь то проблемы с детьми, семейные отношения, кулинарные рецепты или возрастные/личностные кризисы. Но во всех случаях речь идет о приоритете индивидуального опыта в отношении с социальным миром. Если "индуст-реальность" (по каламбурному термину А. Тоффлера) с ее массовым производством и массовым потреблением требовала коллектива, то теперь общество распадается на сеть локальных социальных связей, выстраивающихся вокруг феномена "Я", защищающего и культивирующего свою инаковость преимущественно в приватной сфере, потому личный опыт приобретает центральное значение. На индивидуализацию как преобладающий тип отношений человека к обществу указывает и С. Жижек, отмечая, что "фундаментальное безразличие позднекапиталистического субъекта вытесняет/скрывает фантом наполненной эмоциями частной жизни, который выступает как фантазматический экран, оберегающий нас от разрушительного опыта Реального страдания других" [8, с. 79].

Следует отметить, что производство аффектов, отличающих приватное бытие, сегодня непосредственно связано с их медийной репрезентацией. Так, исследователи отмечают четыре основных типа телевизионных передач, обращенных к личному [9, с. 110-111]. *"Телевидение сочувствия"*, где центральной является фигура жертвы, предъявляемая публике, которой предлагается посочувствовать жизненным бедам жертвы (речь может идти о проблемах в семейной сфере, насилии, смерти близких и т.д.). *"Телевидение идентичности"* - здесь центральной фигурой выступает рядовой человек, не обладающей особой компетентностью в чем-либо (перед камерой происходит своего рода самоанализ применительно к собственному образу жизни). *"Телевидение, ориентированное на межличностные отношения"* - в программах такого типа внимание сосредоточено на отношениях, которые складываются между людьми, приглашенными "проживать" ситуации, рамки которых заданы создателями передачи. *"Телевидение испытания"* - в отличие от предыдущих программ, участники здесь не говорят о себе; они задействованы в состязаниях, ролевых играх, предполагающих физическое или ментальное испытание себя. Таким образом, большинство телевизионных программ непосредственно апеллируют к частной реальности "как сфере эмоциональной жизни души", выводя в дискурс и культурно кодируя различные эмоциональные состояния и ситуации.

Обратной стороной проявление эмоционального "Я" как продукта взаимодействия чувств и медиа является небывалая развернутость, определенность, даже обнаженность и несдержанность индивидуальных эмоционально-психологических реакций. Подтверждением этому может служить тотальное стремление рядовых членов общества присутствовать в виртуальном мире социальных сетей. Создавая личные "страницы" в "Одноклассниках", "Facebook", "ВКонтакте.ру", пользователи детально расписывают свои вкусы, привычки, предпочтения, эмоциональные состояния; ведут сетевые дневники, фактически демонстрируют друг другу свои приватные впечатления, при этом постоянно заинтересованно следят за тем, чтобы их "следы присутствия" появлялись как можно чаще и ценились как можно выше.

Как результат, такая публичность интимного посредством интернет-репрезентаций становится своеобразным механизмом привлечения внимания и увеличения видимости. Однако вряд ли здесь имеет смысл говорить о настоящей интимности, она становится частью спектакля, выстроенного в проекции "наедине со всеми", все больше приобретая черты "осознаваемой приватности".

В этом, на наш взгляд, и состоит парадоксальность проявления современного "эмоционального Я", природу которого хорошо объясняет теория прагматических режимов Л. Тевено. При самом общем подходе "прагматический режим" представляет собой форму организации взаимоотношений человека и вещи. Существуют публичные режимы и режим близости, основанный на близких и дружеских отношениях людей и вещей, то есть такой режим предполагает интимно-сексуальные коннотации [10].

Получается, что в ситуации "осознаваемой приватности" включается не столько режим близости, настоящих эмоций, сколько квазипубличный "режим вовлеченности" (так как речь идет хотя и о публичной, но все же приватности), построенный в большей степени на оправдании, плановой координации, управлении эмоциями и чувствами. Осознаваемая приватность перестает быть тем местом, где можно расслабиться от "публичного взгляда".

В заключение заметим, что квазипубличный режим вовлеченности вполне контекстуален современной культуре нарциссизма и культуре образа, постоянно культивирующих эмоциональную выразительность "Я" через практики самопрезентации в форме "я-образа", "я-имиджа". Подобные практики уже не просто эгоцентричны, это своеобразная зависимость от собственной персоны. Такая концентрация на себе, по мнению С. Лаша, происходит в форме "эстетизации существования", потому эмоциональная составляющая "Я" становится важной частью опыта самоидентификации.

ЛИТЕРАТУРА: 1. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии.- М.: Научный мир, 1998.- 204с.; 2. Ходус Е. "Субъекту быть!": модусы вариативности современной субъектност // Наукові студії Львівського соціологічного форуму "Багатомірні простори сучасних соціальних змін": Збірник наукових праць. – Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2008. – С. 112-116. 3. Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социол. исслед.- 2009.- № 8.- С. 3-12.; 4. Там же.; 5. Цит. по Шетткер Д. Обмен письмами между Н. Элиасом и В. Бенямином // Социальные и гуманитарные науки. Отеч. и зарубеж. литература, Сер.11, Социология: РЖ /РАН.-М.,1999.- № 2.- С.29-32.6. Барбалет Дж. Эмоция, социальная теория и социальная структура: макросоциологический подход // Социологическое обозрение.- 2002.- Т.2.- № 2.- С. 3-9.; 7. Руткевич А.М. Теория институтов А. Гелена // История философии.- 2000.- Вып.5.-[Электронный ресурс].– Режим доступа <http://iph.ras.ru/page48461754.htm> ; 8. Жижек С. 13 опытов о Ленине. – М.: "Ад маргинем", 2003.- 253 с.; 9. Мель Д. Телевидение, обращенное к личному // Социальные и гуманитарные науки. Отеч. и зарубеж. литература, Сер.11, Социология: РЖ /РАН.- М.,2009.- № 2.- С. 109-115.; 10. Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности // Новое литературное обозрение.- 2006.- № 77.-[Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/teve22.html>.